
ЛИВ ВЬЕН
ДОКТОР-
ПЫШКА

Лив Вьен

Доктор-пышка. И тебя вылечим, Огнев!

https://litres.ru/74877943
SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты что творишь? – зло рычит он, надвигаясь на меня. – Ты намеренно ставишь все под удар? Лишь бы наперекор мне?

Я вскидываю подбородок, хотя внутри все сжимается от этого его напора.

– Я делаю свою работу, – отвечаю ровно, сдерживая дрожь. – В отличие от некоторых, я не прячусь за регламентами, когда речь идет о жизни.

– Регламенты существуют не для красоты! – рявкает Огнев. – Они написаны кровью. А ты ведешь себя как глупая курица, которой плевать на всех, кроме себя!

Я вспыхиваю от гнева и делаю шаг вперед. Звонкая пощечина рассекает тишину, и на его щеке остается красный след.

Он герой, спасающий других. И строго следует правилам. Она считает, что жизнь пациента превыше всего. Они терпеть не могут друг друга, но им приходится работать вместе. Что победит – регламент или чувства?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лив Вьен
Доктор-пышка. И тебя вылечим, Огнев!

Глава 1

Мой день как обычно, начинается с аврала. Последняя неделя выдалась особенно трудной, и я даже привыкла. Спать по пять часов, есть на ходу, бороться с дикой, изматывающей усталостью, которая в моей профессии не редкость.

И вот очередной вызов – пожар, куча пострадавших. А тут еще этот идиот!

– Эй, посторонись! Здесь работают пожарные, куда лезешь! – рявкает кто-то у меня за спиной. – Здание может рухнуть в любой момент!

Я мысленно вздрагиваю, но даже вида не подаю, что мне страшно. У меня есть долг и цель, и я не намерена ждать, пока все сгорит к чертям.

Поворачиваюсь и вижу позади сурового пожарного в форме. Высокий, косая сажень в плечах, форма облепила стальные мышцы. И он давит меня взглядом, словно я букашка, посмевшая перейти ему дорогу, будто он готов не только огонь остановить, но и меня придавить заодно.

Илья Огнев. Лучший пожарный города, герой, красавец. И тот еще вредный, нелюдимый гад. Я слышала о нем всякое, но до сих пор не сталкивалась – кто-то из бригады проговорился, что он сегодня дежурит.

И вот он стоит, нависая надо мной, словно сейчас раздавит. И рядом с ним даже я, пышка с фигурой, бесконечно далекой от идеала, сама себе кажусь крохой.

Жирная такая букашка, да. Так что меня так просто не раздавить, пусть не надеется!

– У меня там человек с ожогами, – холодно отвечаю я, не собираясь идти у него на поводу. – И если здание рухнет, а он останется под завалами, я его точно не успею спасти. А ты лишишься работы.

Я машу рукой санитарам, замершим поблизости в растерянности, и обхожу здоровяка стороной, не собираясь больше с ним спорить. Мой пациент ждет меня, лежит на земле прямо возле дома, кашляющий, задыхающийся. И все потому, что спасатели застряли в пробке, а пожарным важней погасить огонь. Вытащили из огня, и ладно.

Огонь жрет здание с жадностью голодного зверя, выдирая из него куски дерева, стекла и чужой жизни. Я, Кира Морозова, стою посреди этого безумия и чувствую, как адреналин бьет по венам, выжигая усталость. Пять часов сна? Да я на этом адреналине неделю протяну.

– Куда, дура! – орет Огнев, схватив меня за плечо. – Сдохнуть хочешь?!

От такой наглости у меня внутри все вспыхивает, как тот пожар. Я дергаю плечом, сбрасывая руку наглеца, и шиплю, обернувшись.

– О себе беспокойся. Я знаю, что делаю, так что не мешай. У меня там человек с ожогами третьей степени! – рявкаю я, перекрывая вой сирен. – Если ты такой крутой, помоги вытащить, а не ори!

Я явственно слышу скрип зубов Огнева, и вижу, как в его глазах разгорается пламя ярости. Но мне все равно – пусть даже жалобу напишет. В этот момент для меня главное спасти жизнь тому бедняге. И таких тут полно – несколько десятков в шаге от смерти. А он предлагает мне подождать?

– Ты под завал попасть хочешь? – шипит он, нависая надо мной. – Или думаешь, твои каблуки по углям пройдут?

Я усмехаюсь дерзко, почти вызывающе.

– Мои каблуки тебя не касаются, Огнев, – отрезаю грубо. – А вот если твой пожарный там задохнется, пока ты мне лекции читаешь, это уже твоя проблема.

Он стискивает зубы так, что желваки ходят ходуном, но отступает – на полшага, не больше. И кивает одному из своих:

– Помоги ей. Быстро.

Его люди вытаскивают парня – обгоревшего, хрипящего, на грани жизни и смерти. Я тут же падаю на колени рядом, забыв про пыль, про жар, про то, что сама едва держусь на ногах. Пальцы скользят по коже, проверяя пульс – слабый,

нитевидный, но есть. Есть!

– Носилки! – ору я, и санитары бросаются ко мне, как по команде. – Кислород, капельницу, готовьте машину! У него ожоговый шок, и если мы не стабилизируем его за пять минут, он уйдет!

Вокруг творится настоящий хаос. Крики, треск пламени, чьи-то стоны, запах гари, въедающийся в кожу, в волосы, в саму душу. Но я вижу только одного человека – того, кто сейчас висит между жизнью и смертью. И я не позволю ему упасть.

Больных столько, что вся наша бригада сбивается с ног. Я понимаю, что надо убраться из опасной зоны как можно быстрее, но не получается. А спину жжет недобрый взгляд Огнева, который будто специально то и дело попадается мне на глаза.

Сортировка занимает полчаса. Тяжелых стабилизируют прямо на месте и увозят в больницу, средних располагают на площадке подальше от дома, устроив подобие полевого госпиталя. Легким обрабатывают раны, перевязывают и отправляют восвояси, напомнив явиться на прием позже. Вот только идти погорельцам некуда, и это бьет больней, чем смерти тех, кому помочь не удалось.

Я выдыхаюсь и сажусь за бумаги, перепоручив больных остальным. И в этот момент дом начинает рушиться.

Глава 2

Пожарные не в силах затушить его, лишь сдерживая огонь. И тот берет свое, за каких-то несколько часов разрушая до основания деревянные перекрытия и стены. Удивительно, что этот дом до сих пор не снесли, а использовали по назначению, и в нем находилось сразу множество мелких контор. Оттого и пострадавших столько.

– Назад! – орет кто-то, и я узнаю голос.

Огнев, конечно же он. Сейчас, небось, припомнит мне мое упрямство, зараза такая. Но мы успели вытащить всех, и остальное неважно.

Дом рушится почти мгновенно, как карточный домик – стена проседает, балки трещат, и все это падает с оглушительным грохотом, поднимая тучи пыли и пепла. Толпа зевак снаружи, за ограждениями вздрагивает, отшатывается, кто-то кричит. А я замираю на секунду, собираясь с духом, и тут же снова двигаюсь, потому что остановка здесь равносильна смерти.

Что-то оглушительно взрывается в развалинах, как удар грома прямо над головой. Пламя взмывает вверх, жадно облизывая остатки стен, и я вижу, как из этой огненной пасти одни пожарные тащат других – тех, кому не повезло, и кто оказался не в том месте.

У меня внутри все обрывается. Не от страха, а от ярости.

От того, что огонь забирает своих же.

– Реаниматологи – ко мне! – ору я, голос срывается на хрип, но я не сбавляю громкость. – Оборудование сюда, быстро!

Из дыма и пепла первым появляется он – Огнев. Закопченный, в прожженной форме, с лицом, черным от сажи, но с глазами, горящими тем самым упрямым огнем, который не потушить ничем. Он тащит на себе пожарного – тяжелого, безвольного, будто мешок с камнями. И в этот момент, несмотря на весь этот ад вокруг, у меня внутри екает что-то теплое, живое, предательское.

– Занимайся им! – рявкает он, укладывая пострадавшего к моим ногам. – Быстрее!

Я не трачу время на споры, хотя очень хочется высказаться ему. Падаю рядом, пальцы снова бегут по телу – пульс, дыхание, зрачки. Все плохо. Очень плохо. Ожоги, черепно-мозговая, шок. Если не стабилизировать сейчас, он не дотянет до больницы.

– Отойди! – бросаю Огневу, даже не глядя на него. – Дай мне пространство!

Он замирает, нависает надо мной, тяжелый, горячий, пахнущий гарью и опасностью. Я чувствую его взгляд, как физическое прикосновение, и по спине пробегают неприятные мурашки.

– Не стой столбом! – рявкаю я, наконец поднимая глаза. – Иди туши дальше! Тут я разберусь!

Он кривится зло, будто я только что оскорбила его. Но кивает и уходит, растворяясь в дыму, оставляя после себя только запах опасности и этот тяжелый, давящий взгляд.

Мы грузим пострадавшего на носилки, тащим к машине. Я бегу рядом, не отпуская капельницу, слежу за каждым вдохом, за каждым ударом сердца. В голове только одна мысль: «Держись. Не вздумай мне тут умирать!»

Наконец приезжают спасатели, когда уже почти спасать некого. Они берут на себя то, что не под силу пожарным: разбирают завалы, тушат остатки пламени, вытаскивают последнего пострадавшего – заходящегося в кашле, обожженного, но живого. И этот кашель звучит для меня слаще любой музыки.

Я забираюсь в машину скорой, сажусь, наконец-то позволяя себе на секунду выдохнуть. Дверь еще открыта, и в проеме появляется он – Огнев. Лицо все так же черное от копоти, глаза, как два угля, готовые вспыхнуть снова.

– Я обо всем доложу начальству, – говорит он тихо, но так, что каждое слово бьет, как хлыст. – Ты нарушила все правила. Чуть не угробила себя и своих людей.

Я усмехаюсь устало, едва не посылая его к чертям.

– Если бы я следовала правилам, Огнев, ты бы сейчас сам лежал под этими балками, – отвечаю я, глядя ему прямо в глаза. – Так что можешь жаловаться кому угодно. Мне все равно.

Он сжимает кулаки, желваки снова ходят ходуном, и на

секунду мне кажется, что он сейчас ворвется в машину, схватит меня за плечи и тряханет так, чтобы зубы застучали. Но он не делает этого. Просто резко хлопает дверью так, что я вздрагиваю, а стекло чуть не трескается.

Машина трогается, и водитель, молодой парень с вечным юмором, косится на меня и хмыкает:

– Ну и ну… Какие у вас с ним… э-э… горячие отношения.

Я вспыхиваю от смущения и злости. Щеки горят, и это не от пожара.

– Еще слово – и я тебе лично клизму пропишу, – цежу я, и он тут же замолкает, уставившись на дорогу с видом человека, который только что чудом избежал катастрофы.

Я откидываюсь на сиденье, закрываю глаза и пытаюсь выровнять дыхание. Руки все еще дрожат, но это не от страха. Это от того, что почти все живы. Что мы вытащили их из этого ада.

Но из головы отчего-то никак не идет лицо одного наглого и вредного пожарного. И я уверена – мы с ним еще встретимся.

Глава 3

Кабинет главврача давит на меня, как бетонная плита. Тут даже воздух какой-то стерильный, как в операционной. Я стою перед столом, пальцы сжаты в кулаки, ногти впиваются в ладони – это помогает не сорваться. Не показать, как внутри все кипит.

– Садись, Кира, – говорит Павел Николаевич, не глядя на меня. Его пальцы барабанят по столу, выбивая нервный ритм, от которого мне не по себе. – На тебя поступила жалоба. И не только к нам – выше тоже отправили письмо. В министерство.

Я усмехаюсь зло. И сажусь, не потому что велели, а потому что ноги вдруг становятся ватными.

– И откуда же ветер дует? Уж не от капитана Огнева ли?

Мужчина наконец поднимает глаза. В них усталость, смешанная с чем-то вроде сочувствия. Но он не может себе позволить сочувствие. Он начальник.

– От него, верней с его службы, – кивает мужчина. – И он не один такой. Есть и другие свидетели. Ты действовала не по протоколу. Ставила под угрозу координацию служб. Могла спровоцировать дополнительные жертвы.

– Могла, – соглашаюсь я, глядя ему прямо в глаза. – Но не спровоцировала. Я вытащила тех, кого можно было вытащить. И я не стану извиняться за то, что не стояла в стороне,

пока гибли люди.

Главврач вздыхает, откидывается на спинку кресла, и на секунду кажется, что сейчас скажет: «Ты права». Но он не говорит.

– Я все понимаю, Кира, – произносит тихо. – Правда. Ты хороший врач. Ты не из тех, кто ждет приказов, когда надо действовать. Но… жалобу так просто не замнешь. Сверху спустили распоряжение.

Я замираю. И чувствую, как внутри все сжимается в тугой узел. Неужто уволят? Вот же гад, Огнев!

– Какое еще распоряжение? – спрашиваю, хотя уже догадываюсь.

– Совместные учения с пожарными, – отвечает он, и каждое слово звучит как приговор. – На учебном полигоне МЧС. Чтобы наладить взаимодействие между нашими службами. Чтобы в следующий раз не было… таких вот конфликтов.

Я фыркаю грубо, почти по-хамски.

– У нас работы по горло! – бросаю с возмущением. – У меня бригада и так на пределе. Мы не можем тратить время на какие-то показушные учения!

– Это не просьба, Кира, – отрезает Павел Николаевич, и в его голосе впервые прорезается сталь. – Это приказ. Сверху. И ты поедешь. Вместе с Огневым. Будете отрабатывать сценарии, учиться понимать друг друга… без криков и взаимных упреков.

Я стискиваю зубы так, что в висках начинает пульсиро-

вать. Понимаю: спорить бесполезно. Приказ есть приказ.

– Отлично, – цежу я. – Буду учиться понимать. Особенно того, кто сначала орет на меня, а потом бежит жаловаться.

Главврач только качает головой, будто я упрямый ребенок, и протягивает мне папку с документами.

– Вот график. Первые учения завтра.

***

Полигон встречает меня ветром, который швыряет в лицо пыль и мелкие сухие травинки, и запахом гари. Вокруг выжженная площадка, макеты зданий, полосы препятствий, манекены, изображающие пострадавших. Все это выглядит до тошноты театрально. Как будто можно отрепетировать ад.

И тут он появляется. Огнев. В новенькой, отглаженной форме, с прямой спиной, будто стержень стальной проглотил. Идет, не спеша, но в каждом шаге – сила, уверенность, привычка быть главным. Рядом с ним даже этот огромный полигон кажется тесным.

Наши взгляды встречаются, и между нами будто проскакивает искра. Та, от которой хочется либо ударить его, либо…

Нет. Никаких «либо».

– Морозова, – кивает он, не здороваясь по-человечески. Просто констатирует факт моего существования. – Готова работать?

Я прищуриваюсь, делаю шаг вперед – занимаю пространство, как умею.

– Готова, – отвечаю, и мой голос звенит, как натянутая струна. – Если ты готов не мешать мне спасать людей. Даже если это манекены.

Уголок его рта дергается – то ли усмешка, то ли судорога раздражения.

– Кто еще кому будет мешать, – хмыкает он так самоуверенно, что я скриплю зубами от злости. – Просто не лезь под руку, когда работают профессионалы.

– Это ты что ли, профессионал? – парирую я. – Я делаю свою работу. И если твоя работа мешает моей – это твои проблемы.

Он делает шаг ко мне. Слишком близко. Так близко, что я чувствую запах – не гари, не дыма, а чего-то другого: чистого, мужского, острого. И от этого запаха у меня на секунду сбивается дыхание. Но я не позволяю себе показать слабость.

– Слушай, – говорит он тихо, но так, что каждое слово врезается в сознание. – Здесь не пожар. Здесь тренировка. И мы должны научиться работать вместе, не уничтожая друг друга.

– Научимся, – усмехаюсь я. – Если ты перестанешь смотреть на меня как на дуру. И сам перестанешь быть идиотом

Он сжимает челюсти, обжигая меня злым взглядом, но не отвечает. Просто разворачивается и идет к группе, раздает короткие, рубленые команды. А я иду к бригаде.

Весь день мы кружим друг вокруг друга, как два хищника. Какое там взаимодействие? Мы просто пытаемся доказать

друг другу, кто лучше.

До самого вечера мы отрабатываем сценарии: эвакуация, сортировка, первая помощь. Каждый раз, когда наши зоны пересекаются, между нами вспыхивает напряжение – острое, горячее, почти осязаемое.

– Ты слишком близко подходишь к зоне задымления! – орет он мне, когда я, вопреки его указаниям, тащу «пострадавшего» через условный дым. – Там может быть очаг возгорания!

– А у него остановка сердца! – кричу я в ответ, не останавливаясь. – И если я не начну реанимацию прямо сейчас, он умрет! Твои правила не спасут мертвого!

Он замирает, сжимает кулаки, желваки ходят ходуном. Я вижу, как он борется с собой – с желанием схватить меня, встряхнуть, закричать. Или… притянуть к себе.

Но он не делает ни того, ни другого. Просто кивает одному из своих:

– Прикрой ее. Быстро.

И они прикрывают. Пока я делаю массаж сердца, пока кричу на манекен: «Дыши, черт тебя дери, дыши!», они держат конструкцию, которая грозит обрушиться, создают коридор безопасности, работают как единое целое.

Когда сценарий заканчивается, я стою, согнувшись, упираясь руками в колени, и пытаюсь отдышаться. Пот заливает глаза, форма прилипла к телу, а внутри бурлит смесь адреналина и ярости.

Огнев подходит не спеша, и я вижу огонь в его глазах. Вот только по его уставшему лицу непонятно, злится он или просто горит работой.

– Ты сумасшедшая, – говорит он, и в его голосе нет злости. Только что-то, от чего у меня внутри все екает.

– Зато живая, – парирую я, выпрямляясь и глядя ему прямо в глаза. – И мои пациенты тоже.

Он смотрит на меня долго, слишком долго. Так, что воздух между нами становится густым, тяжелым, почти невозможным для вдоха.

– Мы должны научиться работать вместе, – повторяет он, будто сам себе. – Иначе в следующий раз кто-то действительно умрет.

– Научимся, – снова говорю я, но на этот раз мой голос звучит не так уверенно. – Если перестанем видеть друг в друге врагов.

Он кивает. И впервые за весь день в его взгляде мелькает что-то похожее на уважение.

– Начнем сначала, – бросает он, разворачиваясь. – Новый сценарий. И на этот раз – без геройства.

Я усмехаюсь саркастично.

– Без геройства не обещаю, – отвечаю, идя за ним. – Но постараюсь не лезть под руку.

Он фыркает – почти смеется. И этот короткий звук, похожий на смех, звучит для меня громче любой похвалы.

А вечером, когда мы наконец разъезжаемся, я сижу в ма-

шине, закрываю глаза и чувствую, как дрожат руки. Не от усталости. От всего сразу: от напряжения, от борьбы, от этого странного, колючего притяжения, которое висит между нами, как оголенный провод.

«Мы должны научиться работать вместе», – крутится в голове его фраза.

Только вот я боюсь, что это будет страшнее любого пожара.

Глава 4

Сегодня на полигоне все с самого начала идет наперекосяк. Сценарий – эвакуация из задымленного здания, условные пострадавшие, жесткие временные рамки. Но Илья с первой же минуты ведет себя так, будто я тут лишняя. Раздает команды, режет воздух ладонью, смотрит сквозь меня, будто я не врач, а какой-то досадный помеха в его идеально выстроенной схеме.

– Морозова, остаешься у входа, – рявкает он, даже не глядя в мою сторону. – Координируешь прием.

Я замираю на секунду, а потом внутри щелкает что-то острое, злящее.

– С какой стати? – голос выходит жестким, как лезвие. – У меня бригада должна зайти внутрь, отрабатывать эвакуацию в условиях задымления. Это прописано в регламенте учений. Или ты свои правила пишешь на ходу?

Он наконец поворачивается. Глаза сверкают, как угли, готовые вспыхнуть.

– Мои правила здесь важней, – чеканит он. – Потому что я отвечаю за безопасность. А ты вечно лезешь туда, где не положено.

– Безопасность? – усмехаюсь я холодно. – Ты путаешь безопасность с контролем. И если ты думаешь, что, запретив мне работать, ты кого-то спасешь, то просто не понимаешь,

как устроена медицина. В реальном пожаре никто не будет стоять у входа и ждать, пока ты кивнешь.

Один из его парней косится на нас с насмешкой, второй кашляет деланно, будто пряча смешок. Огнев косится на них раздраженно, но мне не до чужих взглядов.

– Ты ставишь под угрозу всю операцию, – шипит Илья, наклоняясь ко мне так, что я чувствую жар его гнева. – Твое геройство однажды кого-нибудь убьет.

– Мое геройство? – я смеюсь, но смех выходит злым, колючим. – А твое командование? Ты вообще понимаешь, что при такой плотности дыма у «пострадавших» через три минуты начнется гипоксия? И если мы не начнем реанимационные действия прямо внутри, то никакой твой коридор безопасности не поможет. Ты точно профессионал или просто любишь командовать другими?

Последняя фраза повисает в воздухе, и Илья бледнеет под слоем копоти и загара. Желваки мужчины ходят ходуном, и я понимаю, что перегнула. Но отступать поздно.

– Заткнись, – говорит он тихо, и от этого тихого голоса становится страшнее, чем от крика. – Просто закрой рот и делай, что говорят.

– Не буду, – отрезаю я упрямо, пусть меня и трясет. – Я здесь не для того, чтобы быть послушной девочкой. Я здесь, чтобы отрабатывать реальные действия. И если тебе это не нравится – пиши еще одну жалобу. Видимо, это твой главный навык.

Он стискивает кулаки, и на секунду мне кажется, что он сейчас сорвется. Но вместо этого разворачивается и уходит, бросив через плечо:

– Делай как знаешь. Но если кто-то пострадает – это будет на твоей совести.

Мы отрабатываем сценарий дальше, и все идет криво. Время летит, нервы натянуты, каждый взгляд – как укол. В конце он даже не смотрит на меня. Просто кивает своим, собирается и уходит.

А я остаюсь стоять посреди выжженной площадки, чувствуя, как внутри все дрожит от злости и усталости.

***

Огнев подкарауливает меня у раздевалки – там, где свет тусклый, а тени ложатся черными полосами по стенам. Я только выхожу, застегивая куртку, и вдруг он шагает из темноты, перекрывая проход, тяжелый, злой, давящий всей массой.

– Ты что творишь? – зло рычит он, надвигаясь на меня. – Ты намеренно ставишь все под удар? Лишь бы наперекор мне?

Я вскидываю подбородок, хотя внутри все сжимается от этого его напора.

– Я делаю свою работу, – отвечаю ровно, сдерживая дрожь. – В отличие от некоторых, я не прячусь за регламентами, когда речь идет о жизни.

– Регламенты существуют не для красоты! – рявкает Ог-

нев. – Они написаны кровью. А ты ведешь себя как глупая курица, которой плевать на всех, кроме себя!

Я вспыхиваю от гнева и делаю шаг вперед. Звонкая пощечина рассекает тишину, и на его щеке остается красный след.

– Не смей меня так называть, – цежу сквозь зубы, кипя гнева. – Ни «глупой», ни «курицей». Я столько раз вытаскивала людей из такого ада, что тебе и не снилось. Так что не надо мне тут про регламенты!

Мужчина отступает, и его глаза на миг расширяются. Он трет щеку, глядя на меня со смесью удивления и ярости. А после криво усмехается.

– Ты не пройдешь аккредитацию, – бросает он, и эти слова бьют точно в цель. – После такого тебя просто не пропустят. И это будет не моя вина.

Я фыркаю мрачно.

– Опять жалобу накатать хочешь? – прищуриваюсь, глядя ему прямо в глаза, в эту черную, злую глубину. – Позор. Я думала, ты настоящий мужчина, а ты просто очередной начальник, которому важнее бумажки, чем люди.

Он дергается, будто я его снова ударила. Секунду мы стоим, глядя друг на друга, и воздух между нами становится густым, как перед грозой.

– Что, опять побежишь жаловаться? – шепчу я, и голос срывается. – Ну давай. Расскажи всем, какая я плохая. Только знай: я ни о чем не жалею.

Илья рычит по-настоящему, как раненый зверь. Хватает

меня за плечи, резко вжимает в стену, и я чувствую, как холодный бетон впивается в спину, а его дыхание обжигает лицо. Он нависает надо мной, огромный, разъяренный, и я уверена: сейчас ударит. Сердце выпрыгивает из груди, и я с трудом удерживаю взгляд на нем, борясь с желанием зажмуриться.

Но он не бьет. Просто стоит, дышит шумно, тяжело, и в его глазах мелькает такая боль, что у меня внутри все обрывается.

– Это не я на тебя пожаловался, – рычит он, и каждое слово дается ему с трудом. – Не я. Я бы сам с тобой разобрался. Без бумажек.

Я моргаю, пытаюсь понять, правда это или очередная уловка.

– Не верю, – шепчу, и голос звучит жалко, совсем не так дерзко, как хотелось бы.

– Мне все равно, веришь ты или нет, – отрезает он и резко отпускает, будто прикосновение ко мне обжигает. – Просто знай.

Разворачивается и идет к выходу, тяжелые шаги отдаются эхом в пустом коридоре. Я отлепляю спину от стены, пытаюсь выровнять дыхание, но оно не слушается. Руки трясутся, ноги ватные, и вдруг мир начинает качаться – медленно, предательски, как палуба во время шторма.

Делаю шаг – и земля уходит из-под ног. В глазах темнеет, в ушах нарастает гул, и я успеваю подумать только одно:

«Черт, только не сейчас».

Падаю – и в последний миг вижу, как Илья резко оборачивается, как в его глазах вспыхивает ужас, как он бросается ко мне, вытягивая руки. И он успевает. Подхватывает, не дает удариться, прижимает к себе так крепко, будто хочет удержать не только мое тело, но и эту ускользающую реальность.

– Кира! – кричит он, и в этом крике столько страха, что он проникает под кожу, смешивается с моим собственным. – Кира, смотри на меня! Не закрывай глаза!

Я пытаюсь что-то сказать, но язык не слушается, а тьма накрывает с головой. Последнее, что чувствую, – его руки, сильные, горячие, и этот голос, который вдруг стал не злым, а испуганным:

– Держись. Слышишь? Держись. Я здесь.

Глава 5

Я прихожу в себя от резкого, едкого запаха нашатыря – и тут же кашляю, будто в горло набилась гарь с того самого пожара. Глаза слезятся, в висках стучит, и все вокруг расплывается. С трудом сфокусировав взгляд, я вижу склонившегося надо мной медика с хмурой физиономией, а рядом… Илью.

Мужчина стоит, смотрит так, будто я не просто в обморок грохнулась, а устроила ему личную катастрофу. А на его щеке все еще алеет след от моей пощечины. И от этого мне одновременно хочется и провалиться сквозь землю, и снова что-то ему сказать обидное, просто чтобы не чувствовать эту неловкость.

– Очнулась? Хорошо, – бурчит медик, убирая ватку. – Что ж вы, милочка, себя так не бережете? В обмороки падаете. Переутомление, нервы, недосып – классика. Вам бы отдохнуть пару суток, а не скакать тут. Назначаю вам постельный режим на весь следующий день, ясно?

Я пытаюсь сесть, но мир снова покачивается, и я стискиваю край кушетки, чтобы не сползти.

– Да я нормально себя чувствую, – хриплю, но даже мне самой голос кажется жалким. – У меня смена, бригада… Какой отдых, доктор?

Медик только фыркает, как человек, который такое «нор-

мально» видел сотню раз.

– Это не обсуждается. И чтобы без самодеятельности – вы, как врач, должны это понимать лучше других. Домой сейчас же! – Он косится на Илью, будто тот тут главный контролер. – Проследите, чтобы доехала. Прямо до подъезда!

Илья недовольно хмурится, будто ему только что поручили самое неблагодарное дело на свете. Но молчит. Просто подходит, подхватывает меня под локоть крепко, уверенно, так, что сопротивляться почти бесполезно.

– Я сама дойду, – шиплю я, пытаясь выдернуть руку. – Не надо меня тащить, как мешок с картошкой!

– Ага, сама. Еще два шага, и опять в обморок свалишься, – цедит он, не отпуская. А после добавляет саркастично. –Так что не выпендривайся – ты не пушинка, чтобы тащить тебя снова на руках. И так чуть не надсадился, пока сюда донес.

Я скриплю зубами, кошусь на него с ненавистью, но молчу. Потому что он и правда помог, не остался в стороне.

Мы выходим на парковку, и тут я наконец вырываюсь резко, желая поскорей избавиться от его компании.

– Мне не нужна твоя помощь! – бросаю, отступив на шаг. – Я взрослая женщина, я сама решу, куда мне идти!

Илья рычит, как тогда, в раздевалке. Только теперь в этом рыке не столько злость, сколько усталость и раздражение.

– Ты меня достала упрямством, Кира, – говорит жестко, хватает за плечи и почти запихивает на пассажирское сиденье машины, пользуясь тем, что я слаба и не могу толком со-

противляться. – Просто сядь. А то свяжу, честное слово!

Мужчина захлопывает дверь, обходит машину, садится за руль, заводит мотор. Я вжимаюсь в сиденье, скрестив руки на груди, и смотрю в окно с яростью, делая вид, что мне все равно.

– Вези меня на работу, – бурчу, не глядя на него. – В больницу. У меня дела.

Огнев косится с раздражением, и в этом взгляде столько мужской упрямой уверенности, что меня аж трясет.

– Нет, – отрезает категорично. – Ты сегодня больше никого не спасешь. Если хочешь себя угробить – пожалуйста, но не в мою смену. Я не буду потом объяснять твоим коллегам, почему ты снова рухнула в обморок.

Я фыркаю, пытаюсь придумать что-то ядовитое, но язык будто не слушается.

– Ты даже не знаешь, куда ехать, – бросаю, цепляясь за последнюю соломинку.

Он усмехается коротко.

– Знаю.

– Откуда?

– Из твоего дела. В штабе полигона. Адрес там есть.

Смотрю на него настороженно, будто он только что признался в чем-то подозрительном.

– Зачем ты смотрел?

Он пожимает плечами, снова смотрит на дорогу.

– На всякий случай. Чтобы знать, куда везти, если что.

«Если что» – и вот оно случилось. И от этой мысли мне становится не по себе: он заранее готовился меня спасать, а я только и делала, что огрызалась.

Дальше едем молча. Я злюсь на него, сжимаю пальцы в кулаки, смотрю отстраненно на мелькающие улицы, светофоры, чужие окна. А он ведет машину спокойно, уверенно, будто все под контролем, будто он всегда знает, что делать, даже когда я делаю все, чтобы ему жизнь усложнить.

Когда подъезжаем к моему дому, я тороплюсь выскочить, пока он не решил проводить меня до квартиры. Распахиваю дверь, делаю шаг – и мир снова качается, как палуба в шторм. Ноги подгибаются, и я чувствую, как падаю, но он успевает: выскакивает из машины, хватает меня, прижимает к себе, не давая удариться.

– Тихо, – шепчет, и голос у него вдруг не злой, а какой-то… осторожный. – Не торопись.

– Отпусти, – бормочу, но без прежней злости. Становится стыдно, что я такая слабая, что мне нужна его помощь, что я не могу просто взять и нормально дойти.

– Не отпущу, – отрезает он и, не спрашивая разрешения, подхватывает на руки, как будто я ничего не вешу, хотя недавно утверждал обратное. – Пока не дойдем до двери.

Я вспыхиваю от смущения, но вместо того, чтобы вырваться из его объятий, лишь сильней прижимаюсь к его широкой груди, чувствуя себя странно. Уютно, в безопасности, словно за каменной стеной.

– Илья, я… – начинаю, но он перебивает:

– Молчи. Иначе опять наговоришь глупостей.

И я затыкаюсь. Пальцами впиваюсь в его куртку, чувствую, как под плотной тканью перекатываются мышцы, как Огнев идет ровно, уверенно, будто несет не женщину, которая ругалась с ним так, что искры летели, а что-то очень ценное.

Доходим до двери, он ставит меня на ноги, но не отпускает, пока не убедится, что я стою твердо. Достает из кармана ручку, пишет свой номер на клочке бумаги, сует мне в руку.

– Если завтра почувствуешь себя плохо – звони. Сразу. Не тяни.

Я киваю, потому что спорить нет сил.

– Спасибо, – выдавливаю из себя, и эти слова даются тяжелее, чем любая ругань.

Мужчина смотрит на меня долго, будто хочет что-то сказать, но в итоге только кивает.

– Отдыхай, Кира. Хоть один день проведи без подвигов.

Илья разворачивается и уходит, а я стою у двери, сжимаю в пальцах этот клочок с номером и думаю: как же странно, что самый невыносимый человек на свете сегодня оказался не таким уж и плохим.

Глава 6

Я сижу на кухне, пялюсь в одну точку и пытаюсь убедить себя, что этот день без работы – настоящий подарок. Ага, как же. Подарок, от которого хочется выть. Чашка кофе стынет рядом, а я все никак не могу придумать, чем себя занять. Даже пыль вытирать лень.

Единственная, кто не дает мне окончательно сойти с ума, – это Муся. Кошка запрыгивает на стол, тычется мокрым носом мне в ладонь и требовательно мяукает, будто я обязана прямо сейчас устроить ей пир на весь мир.

– Ну ладно, ладно, – бурчу я, вставая и шаркая к шкафчику. – Ты хотя бы не читаешь мне нотаций про безопасность и координацию служб.

Муся смотрит на меня с таким видом, будто это я тут главная нарушительница порядка. Насыпаю ей корма, сажусь обратно, подтягиваю колени к груди. И понимаю: тишина давит. Слишком много мыслей, картинок, которые сами лезут в голову.

А ночью эти картинки превращаются в сны. Жаркие, постыдные, такие, после которых просыпаешься с пылающими щеками и злишься на себя за то, что вообще такое снится. Потому что в главной роли тот, с кем я только и делала, что цапалась, будто кошка с собакой. В этих снах Илья не орет, не режет воздух ладонью, не смотрит на меня как на досад-

ную помеху. В них он смотрит иначе – так, что у меня внутри все сжимается, а потом рассыпается на искры. Во сне мы целуемся с ним, будто одержимые, а после… От того, что после, мне и вовсе хочется провалиться сквозь землю.

И я просыпаюсь, хватая ртом воздух, вспоминая со стыдом и какой-то тоской его сильные, ласковые руки, его горячие губы и нежные слова.

Да что со мной не так? Какого черта этот гад залез ко мне в голову и никак не уберется оттуда?

Утро следующего дня на полигоне встречает меня ветром, который швыряет в лицо песок, и запахом гари, въевшимся в кожу, кажется, навсегда. Я натягиваю куртку, застегиваю молнию до самого подбородка, будто она может защитить меня не только от холода, но и от собственных чувств. И тут вижу его.

Илья стоит у макета здания, раздает команды своим ребятам – коротко, четко, без лишних слов. Плечи расправлены, взгляд стальной, ни намека на то, что вчера он нес меня на руках, будто я для него что-то хрупкое и ценное.

Я замираю на секунду, чувствуя, как сердце делает кульбит, а потом резко отворачиваюсь. Не хочу встречаться с ним взглядом. Боюсь, что он сразу все поймет по моим глазам – что я краснею от воспоминаний, что эти сны не дают мне покоя, что внутри у меня все дрожит, стоит ему только оказаться рядом.

Поэтому я делаю вид, что его не существует. Подхожу к

своей бригаде, начинаю проверять оборудование, пересчитывать бинты, проверять кислородные баллоны, лишь бы руки были заняты, а глаза не искали его в толпе.

Но тайком все равно смотрю. Когда он наклоняется, чтобы поправить крепление на снаряжении, я ловлю себя на том, что пялюсь на то, как ткань формы облепляет его стальные мышцы. Когда он поворачивается, чтобы отдать приказ, я замечаю, как солнце ложится на его скулы, подчеркивая резкие, упрямые черты лица. И каждый раз, когда наши взгляды случайно пересекаются, у меня внутри что-то екает, а потом я отвожу глаза, делая вид, что мне вообще нет до него никакого дела.

Он это замечает. Вижу по тому, как у него дергается уголок рта, как он чуть сильнее сжимает челюсть, будто я его чем-то задеваю. Но он не лезет ко мне, не пытается снова взять под локоть, не рявкает, чтобы я не лезла под руку. Просто делает свою работу, четко и уверенно, будто между нами и не было ни криков, ни пощечины, ни того момента, когда он прижимал меня к себе и кричал: «Держись!»

Учения тянутся бесконечно. Мы отрабатываем сценарии один за другим: эвакуация, сортировка, первая помощь в условиях задымления. Каждый раз, когда наши зоны пересекаются, я чувствую его взгляд на себе, тяжелый, пристальный, будто он пытается разгадать, почему я вдруг стала такой тихой. А я только крепче сжимаю кулаки и делаю вид, что полностью сосредоточена на работе.

Когда все заканчивается, я стою посреди площадки, смотрю, как пожарные сворачивают оборудование, как Илья отдает последние распоряжения, и вдруг понимаю: мне жаль. Жаль, что сегодня все закончилось. Что я больше не увижу, как он командует, как двигается, как в его глазах вспыхивает этот упрямый огонь. И от этой мысли мне становится не по себе.

Не дожидаясь, пока кто-нибудь предложит подвезти, я разворачиваюсь и иду к служебной машине. Но не успеваю сделать и пары шагов, как меня догоняет голос:

– Кира, подожди!

Оборачиваюсь и вижу Сашку – моего коллегу, весельчака и раздолбая. Он нагоняет меня, прищуривается хитро, будто что-то знает.

– Что-то ты сегодня подозрительно тихая, – тянет он, ухмыляясь. – Не то чтобы я жаловался, но… это даже пугает. Ты там не заболела, случайно?

Я фыркаю, стараясь выглядеть равнодушной.

– Просто устала. И не хочу тратить силы на бессмысленные споры.

Сашка хмыкает, кивает в сторону Ильи, который как раз садится в свой внедорожник.

– Ага. Особенно с ним. Слушай, а ты не влюбилась ли часом в этого сурового красавчика? А то раньше ты его чуть ли не проклинала, а теперь… обходишь стороной, будто он заразный.

Я чувствую, как щеки вспыхивают, и матерюсь мысленно.

– Да кому он нужен, – бурчу, стараясь вложить в голос максимум пренебрежения. – Просто не хочу снова нарываться на конфликт. Учения закончены, зачем портить себе нервы?

Сашка ржет, качает головой.

– Ну-ну. Только не говори, что не замечаешь, как он на тебя смотрит. Да к нему очередь из женщин, наверное, с самого утра выстраивается. Такой суровый, такой мужественный… Мечта, а не мужик, да, Кир?

Я закатываю глаза от его насмешливого тона, но внутри все сжимается от странного, колючего чувства, что мне-то как раз с ним ничего не светит.

– Очередь пусть стоит, – отрезаю я. – А мне работать надо.

И тут в голове щелкает. Я вдруг понимаю, чего мне хочется больше всего на свете – не сидеть дома, не смотреть в потолок, не сходить с ума от тишины. А снова оказаться там, где пахнет гарью, где сирены воют, где адреналин бьет по венам, и где он будет рядом. Пусть снова орет, пусть снова смотрит на меня как на самую упрямую женщину на свете. Лишь бы быть там.

Резко разворачиваюсь, хватаю Сашку за рукав.

– Слушай, а на какой вызов сегодня отправляют вторую бригаду?

Он удивленно приподнимает бровь.

– На пожар в промзоне. Там вроде как сложная ситуация,

много пострадавших. Говорят, Огнев тоже там будет.

Последнее он добавляет с ухмылкой, глядя на меня многозначительно. Я же киваю, будто это вообще не имеет для меня никакого значения.

– Отлично. Подмени меня сегодня в больнице. Я с ними поеду.

Сашка смотрит на меня так, будто я только что попросила его прыгнуть с крыши.

– Ты серьезно? Тебе же нельзя перенапрягаться! Да и главврач не обрадуется, если узнает, что ты снова на вызов поперлась.

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть беззаботной.

– Главврач не узнает. А отдых… я лучше на пожаре отдохну, чем дома с ума сходить.

Он вздыхает, качает головой, но в глазах мелькает понимание.

– Ладно. Только если тебя опять в обморок свалишься, я скажу, что ты сама напросилась.

– Не свалюсь, – усмехаюсь я. – Я в порядке.

На самом деле я не в порядке. Внутри все дрожит от предвкушения, от страха, от этого странного, острого чувства, которое я никак не могу назвать вслух. Но я знаю одно: я должна быть там. Должна снова увидеть, как Илья командует, как бросается в огонь, как смотрит на мир с этой своей упрямой уверенностью. Даже если он снова будет на меня орать, или злиться.

Потому что без этого напряжения, без этих искр между нами день кажется пустым и серым.

И когда мы приезжаем на место, когда я вижу, как его внедорожник останавливается рядом с нашей машиной, как он выходит, застегивая куртку, как его взгляд сразу находит меня среди суеты и хаоса, я понимаю, что сделала правильный выбор. Пусть это безумие, пусть это опасно, пусть это сводит меня с ума. Но это мое безумие. И я не готова от него отказываться.

Глава 7

Пожар наконец-то укрощен. Пламя больше не рвется в небо, не грызет здание, не заставляет сердце сжиматься в тугой комок. Остался только тяжелый, маслянистый дым, оседающий на коже, и запах гари, который, кажется, въелся в меня навсегда. Я делаю глубокий вдох – и тут же кашляю: легкие будто наждачкой скребут изнутри.

Вокруг суетятся ребята: кто-то сворачивает рукава, кто-то проверяет оборудование, кто-то устало садится прямо на асфальт, будто ноги больше не держат. И среди всей этой усталой суеты я замечаю Илью. Он стоит у машины, наклонив голову, и трет плечо, будто пытается стереть с него что-то невидимое. А когда поднимает взгляд, я вижу, что его кожа расцарапана в нескольких местах – на щеке, на шее, на тыльной стороне ладони. Тонкие красные линии, будто кто-то провел по нему осколком стекла.

Внутри у меня все поджимается. Не от страха, а от острого, почти болезненного желания защитить, уберечь, сделать так, чтобы ему не было больно.

Я шагаю к нему, не думая, просто повинуясь инстинкту.

– Огнев, стой, – рявкаю я, и голос звучит резче, чем хотелось бы, но сейчас не до мягкости. – Ты весь исцарапанный.

Он морщится, будто я сказала что-то нелепое, и отмахивается, как от назойливой мухи:

– Ерунда. Царапины. Через день сойдут.

Я фыркаю, скрещиваю руки на груди и смотрю на него так, будто он только что заявил, что огонь – это вода.

– «Ерунда»? Да через такую царапину можно занести все, что угодно: от стафилококка до столбняка. Ты хочешь, чтобы у тебя температура поднялась под сорок и мышцы сводило судорогой?

Илья закатывает глаза, но я вижу: он не спорит всерьез. Просто не хочет выглядеть слабым.

– Кира, я в порядке. Серьезно. У нас тут работы еще на час.

Но я уже не слушаю. Достаю из сумки аптечку, щелкаю застежкой, и этот звук в наступившей тишине звучит почти как щелчок затвора.

– Снимай куртку. И не спорь.

Он смотрит на меня, будто хочет что-то возразить, но потом, видимо, решает, что проще смириться, чем спорить, и медленно стягивает куртку, бросает ее на бампер. Под ней – пропотевшая футболка, прилипшая к телу, и я на секунду замираю, глядя, как под тканью перекатываются напряженные мышцы, как на плече темнеет еще одна царапина, чуть глубже остальных.

Меня бросает в жар, и я отвожу взгляд, делая вид, что целиком сосредоточена на аптечке.

– Повернись, – командую я, стараясь, чтобы голос звучал строго, профессионально, а не так, будто у меня сердце сей-

час выскочит из груди. – Дай посмотреть плечо.

Илья вздыхает, но поворачивается. Я осторожно касаюсь края царапины – он даже не вздрагивает, будто вообще не чувствует боли. Но я-то знаю: это не значит, что не больно. Это значит, что он привык терпеть.

Протираю ранку антисептиком, и он все-таки морщится – чуть-чуть, едва заметно, но для меня этого достаточно.

– Больно? – шепчу я, и сама не узнаю свой голос: он вдруг становится тише, мягче.

– Нет, – бурчит он, но в этом «нет» столько упрямства, что я почти улыбаюсь. Почти.

Я продолжаю обрабатывать царапины: шею, щеку, руку. Стараюсь быть аккуратной, но пальцы все равно подрагивают, и я злюсь на себя за эту дрожь. А он стоит, прямой, неподвижный, будто статуя, и только иногда чуть сжимает челюсть, когда я задеваю особенно чувствительное место.

И тут до меня доходит: он терпит не потому, что не больно, а потому, что не хочет, чтобы я волновалась. Эта мысль бьет под дых, и я вдруг чувствую, как внутри все переворачивается от нежности и злости одновременно.

– Не делай так, – говорю я резко, и он косится на меня удивленно.

– Что?

– Не притворяйся, что тебе не больно. Я же вижу.

Он чуть пожимает плечами, и в этом движении столько мужской упрямой силы, что у меня внутри все сжимается.

– Привычка.

Я киваю, стискивая в пальцах ватку, и вдруг понимаю: если я сейчас буду такой правильной и серьезной, то просто взорвусь от напряжения. Поэтому делаю то, что приходит первым, – позволяю себе немного дерзости.

Беру флакон с зеленкой, встряхиваю его с громким хлопком и усмехаюсь:

– Ну, раз ты такой крепкий, тогда потерпи еще немного.

Илья хмурится, будто что-то заподозрил:

– Эй, полегче там. Это не боевое ранение, а царапина.

Но я лишь усмехаюсь. Сначала мажу ему щеку – тонкой зеленой линией, потом шею, потом тыльную сторону ладони. Он пытается увернуться, но я хватаю его за запястье, удерживаю крепко, но не грубо:

– Стой смирно. Ты же пожарный, а не ребенок.

Он рычит, но стоит. А я продолжаю: мажу уши, уголок глаза, даже крошечную царапину на брови. И чем больше зеленых пятен появляется на его коже, тем сильнее у меня внутри разгорается это странное, озорное чувство – будто я наконец-то взяла над ним верх, пусть и в такой нелепой битве.

Когда я заканчиваю, он выглядит так, что едва сдерживаю смех. Как будто его раскрасили для какого-то безумного карнавала. Сам виноват, напросился!

Я отступаю на шаг, складываю руки на груди и киваю с видом строгой, но довольной докторши:

– Вот. Теперь ты точно не заразишься.

Илья смотрит на меня так, будто готов что-то сказать, но тут вмешиваются его ребята. Кто-то присвистывает, кто-то хохочет, а один из пожарников хлопает Илью по плечу и ржет так, что, кажется, слышно на соседней улице:

– Ну ты даешь, Огнев! Хотя, теперь тебе больше подходит Зеленкин!

Остальные подхватывают:

– Зеленкин! Точно!

– Да он теперь как елка!

– Да у него же волчанка… Тьфу, ветрянка!

Илья краснеет – не от стыда, а от злости, и это выглядит почти мило. Он пытается стряхнуть с себя это внимание, но парни не дают: хлопают по плечам, подначивают, смеются.

А я стою и смотрю на это, и вдруг сама не выдерживаю – начинаю хохотать. Смех выходит звонкий, немного истеричный, будто из меня вырывается все напряжение последних часов.

– Что, Зеленкин, нравится тебе такое имя? – поддразниваю я, вытирая выступившие слезы. – А будешь злиться, я тебе еще и клизму назначу. Для полного комплекта.

На секунду все замирают, а потом снова взрываются хохотом. Даже Илья не выдерживает – криво усмехается, качая головой, будто сам не верит, что это происходит с ним.

– Вот же зараза ты, Морозова, – бормочет он, глядя на меня с этой смесью раздражения и… чего-то еще. Чего-то,

от чего у меня внутри все переворачивается.

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть беззаботной, хотя на самом деле внутри все дрожит от этого его взгляда.

– Зато ты теперь стерильный.

Он фыркает, делает шаг ко мне, и на секунду кажется, что он сейчас схватит меня и закружит, или прижмет к себе, или сделает что-то такое, от чего мир окончательно перевернется. Но вместо этого он просто смотрит на меня долго, пристально, будто пытается запомнить каждую черточку моего лица.

А потом резко разворачивается и уходит, бросив через плечо:

– Я в душ.

Парни снова ржут, кто-то кричит ему вслед:

– Зеленкин, не смывай все сразу!

Я стою, смотрю, как он уходит, и чувствую, как внутри разливается теплое, пьянящее удовлетворение. Пусть он злится. Пусть ворчит. Пусть называет меня невозможной. Главное, что он цел и почти невредим.

Сашка, коллега подходит ко мне, толкает плечом, ухмыляется:

– Ну ты даешь. Даже Огнев такого не ожидал.

Я улыбаюсь, не отводя взгляда от двери, за которой исчез Илья.

– А он любит, когда его удивляют.

Сашка хмыкает, но ничего не говорит. И мы стоим так

еще несколько секунд, среди гари, дыма и усталых людей, и я понимаю: этот день был тяжелым, страшным, безумным. Но он был правильным. Потому что в нем был Илья.

Глава 8

Утро начинается не с кофе, а с тихого, жалобного мяуканья, от которого у меня внутри все сжимается. Муся лежит на коврике, поджимает лапу и смотрит на меня такими огромными глазами, будто я единственная, кто может спасти ее от этого несправедливого мира.

– Ну-ка, давай, показывай, что там болит, – шепчу я, осторожно приподнимая ее, и чувствую, как под тонкой шкуркой часто бьется ее маленькое сердце.

Внутри тут же все переворачивается. Кошка – единственный мой домашний якорь, и сейчас этот якорь явно дает течь. Не раздумывая, хватаю переноску, накидываю куртку и лечу к ближайшей ветклинике, совсем забыв, что сама врач. В голове крутится только одно: «Только бы все обошлось!»

В приемной пахнет спиртом, нервозностью и чужим страхом. Я сжимаю переноску так, что пальцы белеют, и стараюсь дышать ровно, хотя внутри все трясется. Но едва сажусь на сиденье, дожидаясь очереди, как дверь распахивается, и в проеме появляется он. Илья. В простой рубашке, без формы и каски, без всей этой боевой амуниции, такой непривычно обычный, но все равно излучающий силу и уверенность, от которой ладошки начинают потеть, а в горле пересыхает. Рядом с ним – огромная овчарка, серьезная, суровая, будто тоже служит в пожарной части и привыкла держать строй.

Наши взгляды встречаются, и у меня внутри все замирает. Щеки вспыхивают, и я тут же проклинаю собственную слабость: ведь только вчера мне снился такой сон, от которого до сих пор мурашки бегут по спине, а теперь я сижу перед ним, взъерошенная, с переноской, и пытаюсь не сгореть от стыда.

Илья чуть приподнимает бровь, будто сам не верит в эту случайность.

– Кира? Что ты тут делаешь?

Я пожимаю плечами, стараясь вложить в этот жест максимум безразличия.

– То же, что и ты.

Он косится на переноску.

– Кошка заболела?

От того, что он делает вид, будто ему не все равно, у меня внутри снова что-то дрожит, но я держу себя в руках.

– Да. С лапой что-то … Не знаю, что с ней.

Овчарка вдруг тянет нос в сторону переноски, рычит низко, предупреждающе. Муся в ответ фыркает, выпускает когти, царапает пластик изнутри – и это при том, что минуту назад она едва могла шевелиться.

– Эй, тихо! – рявкаю я на кошку, хотя понимаю, что это бесполезно.

Илья усмехается, придерживая пса за ошейник.

– Наши питомцы тоже не слишком ладят. Похоже, у твоей кошки характер хозяйки.

Я вспыхиваю, но теперь от злости.

– А твой пес такой же агрессивный и наглый, как его хозяин, – парирую, и тут же жалею о словах, потому что в глазах мужчины мелькает не злость, а насмешка.

– Справедливо, – кивает он, не обижаясь.

Садится рядом и замолкает.

Но спокойствие длится недолго. Овчарка делает шаг, тянет морду к переноске, и Муся, собрав все силы, бьет лапой сквозь решетку, цепляя пса прямо по носу. Пес взвизгивает, дергается, рвется с поводка, а Муся, сломав замок, выскакивает из переноски, будто ее подменили: шерсть дыбом, глаза горят, когти наготове.

В приемной начинается хаос. Кошка мчится между стульями, опрокидывает подставку с брошюрами, пес рвется следом, ветеринар кричит что-то про порядок, администратор бледнеет. Я лечу за Мусей, Илья – за своим псом, и мы носимся по тесной комнате, как два ненормальных, пытаясь поймать питомцев и не дать им устроить апокалипсис.

– Муся, стой! Да чтоб тебя! – ору я, ныряя под стол, и едва не сталкиваюсь лбом с Ильей, который лезет туда же с другой стороны.

Мы замираем на секунду, нос к носу, и воздух между нами вдруг становится густым, горячим, как перед грозой.

– С той стороны гони ее! – рявкает Илья, и я киваю, выныривая обратно.

Наконец, общими усилиями мы загоняем животных в

угол: я прижимаю Мусю к себе, чувствуя, как бешено колотится ее сердечко, Илья держит пса, который все еще ворчит, но уже не рвется в бой.

Администратор смотрит на нас так, будто мы только что устроили показательные учения по штурму здания.

– Еще немного, и я вас обоих выставлю, – бурчит она, поправляя очки.

Мы с Ильей переглядываемся, и в этом взгляде столько общего напряжения, что мне хочется одновременно смеяться и провалиться сквозь землю.

– Простите, – выдавливаю я, прижимая Мусю к груди. – Она обычно не такая… боевая.

Илья хмыкает.

– Мой тоже обычно не доставляет проблем. Видимо, тут особая атмосфера.

Ветеринар наконец машет мне:

– Проходите. Сначала кошка.

Я киваю, бросаю на Илью короткий взгляд и исчезаю за дверью кабинета. Внутри все дрожит, но не от страха за Мусю – хотя и от него тоже, – а от того, как близко мы только что были, как наши плечи почти касались, как его голос звучал рядом, низкий, уверенный, заставляющий меня забывать, как дышать.

Осмотр тянется, кажется, вечность. Ветеринар щупает Мусю, слушает, хмурится, потом вдруг улыбается:

– Ничего страшного. Воспаление, небольшой ушиб, но

ничего критичного. Пропишу мазь, пару дней покоя – и будет как новенькая.

У меня будто камень с души падает. Я выхожу из кабинета, все так же сжимая в руках бумажки с назначениями, и вижу Илью, который стоит у окна, скрестив руки, а пес сидит рядом, спокойный, собранный, будто и не было никакого бунта.

Наши взгляды снова встречаются, и я не выдерживаю.

– Понятно теперь, почему ты до сих пор один, – бросаю я с насмешливой ухмылкой, кивая на пса. – С таким напарником кого угодно отпугнешь.

Илья не моргает, смотрит прямо, и в его глазах пляшут искры.

– В твоем случае все с самого начала было очевидно, – парирует он насмешливо. – С твоим характером к тебе ни один нормальный мужик не подойдет.

Я фыркаю презрительно, хотя его слова ударяют больно, попав точно в цель.

– Я никого не держу. Мне и одной хорошо.

Он чуть наклоняет голову, снова усмехается.

– А может ты просто боишься?

Я хочу огрызнуться, но слова застревают в горле. Потому что он прав. Я боюсь отношений, боюсь разочарований и разбитого сердца. Что я окажусь никому не нужна.

– Ладно, – бурчу я, опуская глаза. – Спасибо. За все. За вчера. За… что не сдал меня главврачу.

Илья пожимает плечами, будто это пустяк.

– Не за что. Ты бы на моем месте сделала то же самое.

Я усмехаюсь, качая головой.

– Нет. Я бы точно сдала.

Он смеется тихо, но этот смех пробирает до мурашек.

– Тогда мы друг друга стоим.

Я прижимаю к себе Мусю, которая теперь снова вялая и тихая, и понимаю: сегодняшний день не такой уж и плохой. Да, кошка болеет, да, мы устроили переполох, да, между нами все еще искрит так, что можно поджигать спички. Но в этом искрящемся напряжении есть что-то живое, настоящее. И я не хочу, чтобы оно пропадало.

– Ладно, мне пора, – говорю я, делая шаг к выходу. – Мусе нужен покой.

Илья кивает.

– Если что – звони. Номер у тебя есть.

Я замираю на секунду, чувствуя, как внутри снова что-то екает.

– Спасибо, – повторяю я, на этот раз тише. – Я… позвоню. Если надо.

Он снова кивает, и у меня перехватывает дыхание от его белозубой улыбки, и внимательного взгляда, в котором мне мерещится интерес. Глупости какие…

Выхожу на улицу, вдыхаю прохладный воздух, прижимаю к себе Мусю и улыбаюсь, сама не зная почему. Просто потому, что сегодня наша встреча закончилась не руганью, как

обычно, а чем-то иным.

Глава 9

Я вываливаюсь из больницы в одиннадцатом часу, и ночь наваливается на меня сразу, всей своей тяжелой, густой темнотой. Дежурство было таким, что ноги гудят, будто по ним прошлись отбойным молотком. В голове – каша из диагнозов, имен, криков, чьих-то стонов и бесконечных вызовов. Хочется только одного: упасть лицом в подушку и не шевелиться до обеда завтрашнего дня.

Автобус уходит прямо у меня перед носом, хлопая дверями, будто издевается. Я смотрю ему вслед, вздыхаю и решаю: ладно, прогуляюсь. Воздух тут, конечно, не альпийский, но хоть голова проветрится. По привычке срезаю через дворы, через тот самый темный переулок, где фонари горят через один, а тени лежат так густо, будто их специально кто-то налил.

И тут из-за угла выходят двое. Не просто случайные прохожие – от этих, с уголовными рожами, за версту несет неприятностями, и внутри все сразу сжимается. Один из них с ножом, лезвие тускло поблескивает в свете фонаря, и этот блеск врезается в сознание острее любого скальпеля.

– Эй, красавица, кошелек давай и телефон. И чтобы без фокусов, – тянет один, ухмыляясь так, что у меня мороз по коже.

Я замираю на секунду – и эта секунда кажется вечностью.

Потом адреналин щелкает где-то в груди, и я вдруг перестаю быть уставшей врачом, превращаясь в загнанную валькирию. Хватаю сумку обеими руками и замахиваюсь на ублюдков. Сумка тяжелая – в ней телефон, косметичка, блокнот, термос, который мама подарила, и даже старый учебник по травматологии.

Удар прилетает одному из бандитов по голове. Он охает, злится, и в его глазах вспыхивает такая ярость, что мне становится по-настоящему страшно.

Он кидается вперед, и я отшатываюсь, спотыкаюсь о бордюр. Чувствую, как земля уходит из-под ног, и понимаю: сейчас будет больно. Очень больно. И спасения ждать неоткуда…

Но в этот момент из темноты выныривает фигура – высокая, мощная, знакомая до мурашек. Илья. Он двигается так, будто служит не пожарником, а спецназовцем каким-то: коротко, резко, без лишних движений. Нож летит в сторону, ударяется о бетон с мерзким звяканьем. Второй грабитель пытается броситься на него, но Илья ловит его за руку, выкручивает, и тот оседает на землю, скуля. Первый, тот, кого я стукнула, делает шаг, и Илья бьет его прямо под дых. Через десять секунд оба лежат на асфальте в отключке, и я выдыхаю.

Илья стоит над ними, нависая, будто гора, и даже, кажется не запыхался. Будто просто сделал свою работу. Он поворачивается ко мне, и в его взгляде мелькает беспокойство.

– Ты в порядке?

Я делаю шаг к Илье, и ноги будто ватные – дрожат, подгибаются, не хотят держать. Все внутри сжимается в тугой комок: адреналин еще гудит в крови, а страх, липкий и холодный, ползет по спине, царапая кожу. И тут я вижу, как за спиной Огнева вырастает тень. Она выныривает из темноты, будто сама тьма ее вытолкнула, и кидается на Илью сзади, с ножом.

– Берегись! – мой крик рвется из груди, хриплый, надрывный, и кажется, что он летит сквозь вязкий воздух слишком медленно, не успевает.

Илья оборачивается в долю секунды, будто чувствует спиной эту смертельную угрозу. Но поздно: нож входит в его тело, и Огнев, как-то неловко дернувшись, бледнеет, оседая на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.